

ПОЪЗДНА ВЪ ДАГЕСТАНЪ.

(Изъ путешествія замѣтокъ, веденныхъ на Кавказъ въ 1860 году.)

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

II.

ОТЪ ИРИБА ДО ГУНИБА.

Было уже около одиннадцати часовъ утра, когда я вѣхалъ въ узкія и извилистыя улицы Ириба. Собственно улицами ихъ и не слѣдовало бы называть, потому что скорѣе это были какіе-то закоулки и ходы, по которымъ мѣстами трудно было проѣзжать даже въ одинъ конь. Вообще въ дагестанскихъ аулахъ, дома, или сакли, какъ-то необыкновенно нагромождены одинъ на другой: потолокъ одного дома служитъ основаніемъ для другаго. Весьма часто поперекъ улицы, на террасы двухъ противоположащихъ домовъ, накинута какая-то настилка изъ довольно толстыхъ жердей. Настилка эта обмазана глиною, обштукатурена, и на ней лѣпится другое жилие, только однимъ своимъ бокомъ гдѣ нибудь примкнутое къ выступу горы. Оттого-то дагестанскіе аулы такъ удобны для обороны, и оттого-то взятіе ихъ всегда сопровождалось страшными потерями. Но вотъ, наконецъ, добравшись почти до самыхъ верхнихъ

частей аула, проводникъ мой остановился на какой-то небольшой, всего, можетъ быть, шаговъ въ пятнадцать, площадкѣ, соскочилъ съ лошади и объяснилъ мнѣ, что мы пріѣхали къ тлесерухскому наибу, нѣкогда служившему въ русской службѣ поручику Хаджи-Али. Я тоже сошелъ съ лошади и, слѣдуя за проводникомъ, вошелъ въ домъ наиба. Домъ этотъ состоялъ изъ двухъ, или, скорѣе, изъ полутора этажей, примкнутыхъ къ скату горы такъ, что каждый этажъ имѣлъ особое сообщеніе съ улицею, прямо на горизонтѣ земли. Нижній этажъ назначался для помѣщенія семейства наиба, и я его не видѣлъ; верхній же служилъ жильемъ собственно самого наиба, какъ лица оффиціального. Слѣдуя за моимъ проводникомъ, я очутился въ узкомъ корридорѣ, шаговъ восемь длины, который выводилъ на крытую террасу, огражденную съ трехъ сторонъ стѣнами и имѣющую съ четвертой стороны только невысокую балюстраду, сдѣланную въ видѣ широкой скамьи безъ спинки. Терраса эта имѣла длину во весь фасадъ дома, а шириною была не болѣе шаговъ пяти или шести; она составляла собственно пріемную или аудіенцъ-залу наиба, и здѣсь-то я засталъ его въ настоящую минуту, чинящимъ судъ и расправу надъ жителями.

По обѣ стороны корридора было по одной комнатѣ, изъ которыхъ расположенная налѣво имѣла назначеніемъ служить кухнею, а находящаяся вправо отъ корридора служила какъ бы кабинетомъ для хозяина, а вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то въ родѣ кладовой. Мы рѣшились назвать эту комнату кабинетомъ потому, что въ ней, у окна, выходящаго на террасу, стоялъ столъ, покрытый красной салфеткой ярославскаго произведенія, а на столѣ были чернильница, нѣсколько перьевъ и какая-то переплетенная, чуть ли даже не прошнурованная тетрадь, для записки, какъ кажется, жалобъ и просьбъ жителей и распоряженій по нимъ наиба. По стѣнамъ же этой комнаты были развѣшены оружіе, сѣдла и одежда хозяина, а около одной стѣны стояли деревянные нары, покрытые тулупами и подушками и очевидно исполнявшіе роль дивана, на которомъ можно было отдыхать. Къ этой же комнатѣ примыкали и довольно обширныя конюшни хозяина, входъ въ которыя былъ тутъ же изъ корридора и черезъ которыя надо было проходить для того, чтобы попасть на плоскую крышу дома—обыкновенное мѣсто вечерняго отдохновенія Азіятцевъ.

Но прежде чѣмъ познакомить читателя съ личностію самого Хаджи-Али, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько объ административномъ раздѣленіи Дагестана и о порядкѣ управленія туземными племенами.

Послѣ завоеванія восточнаго Кавказа, управленіе горами Дагестана, по крайней мѣрѣ въ низшихъ инстанціяхъ, было оставлено почти то же, какое существовало и при Шамилѣ, съ тою только разницею, что во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ мѣстные власти преимущественно должны были придерживаться адата, т. е. народныхъ преданій и обычаевъ, а не шаріата, который составляетъ часть корана, заключающую въ себѣ гражданскія постановленія. Подобная мѣра вполне необходима, какъ потому, что самое населеніе Дагестана еще слишкомъ патріархально и вѣрить въ непогрѣшимость рѣшенія старшинъ, такъ и для того, чтобы ею уменьшить вліяніе мусульманскаго духовенства на народъ. Такимъ образомъ оставлено на прежнемъ основаніи все, такъ сказать, сельское управленіе Дагестана, именно аулами управляютъ избираемые самимъ обществомъ старшины, которые, въ разныхъ частяхъ Дагестана, извѣстны подъ различными названіями, какъ-то: кадівъ, картовъ или ахсагалъ. Затѣмъ нѣсколько ауловъ, обыкновенно отъ 10, 15 и даже до 20, по большей части принадлежащихъ къ одному обществу, подчиняются наибамъ, назначаемымъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, преимущественно изъ находившихся въ русской службѣ. Наибамъ вѣряется вся распорядительная и судебная власть въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ особою инструкціею. Наибы получаютъ въ годъ 500 руб. сер. содержанія отъ казны, имѣютъ при себѣ писмоводителя изъ туземцевъ, которому положено жалованья 150 р. сер., и, сверхъ того, имѣютъ въ своемъ распоряженіи охранную распорядительную силу изъ всадниковъ Дагестанскаго конноиррегулярнаго полка. Наконецъ нѣсколько наибовъ соединены въ округа, во главѣ которыхъ поставлены окружные начальники, въ чинѣ генераль-маіоровъ или штабъ-офицеровъ, и при каждомъ изъ нихъ состоятъ помощникъ его въ офицерскомъ чинѣ, военное управленіе изъ старшихъ адъютантовъ и писарей, нѣсколько переводчиковъ, медикъ и фельдшеръ для поданія, въ случаѣ нужды, медицинскій помощи жителямъ и, наконецъ, окружной народный судъ, состоящій изъ депутатовъ отъ народа, кадіа и писмоводителя; какъ депутаты, такъ и кадіи получаютъ жалованья по 250 руб. сер., а писмоводитель по 150 руб. въ годъ.

Въ окружныхъ судахъ нѣкоторыя дѣла рѣшаются по адату, другія же по шаріату, а именно по мѣстнымъ обычаямъ туземцевъ разбираются и рѣшаются дѣла, возникающія «по гражданскимъ спорамъ, и тяжбамъ всякаго рода, по воровству, ссорамъ, дракамъ, увозу женщинъ (хотя бы оно имѣло послѣдствіемъ увѣчья), по похищеніямъ и грабежамъ, когда они учинены хотя съ насиліемъ и даже угрозами, но такого рода, что сіи угрозы и самое насильственное дѣйствіе не представляли опасности ни для жизни, ни для здравія жалобщика». (*) Затѣмъ всѣ дѣла по несогласіямъ между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми и по религіознымъ дѣламъ магометанъ должны быть рѣшаемы въ судѣ по шаріату кадіемъ. Разборъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ производится гласно и словесно, а рѣшенія произносятся по большинству голосовъ, съ перевѣсомъ, въ случаѣ разности мнѣній по одному и тому же предмету, голоса предсѣдателя, которымъ бываетъ всегда самъ окружный начальникъ.

Кромѣ окружныхъ управленій, на одной степени съ ними стоятъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестанской области, ханскія управленія и отдѣльное при-Сулакское наибство. Къ первымъ принадлежатъ ханства: Аварское, Кюринское, Мехтулинское и владѣніе шамхала тарковского. При ханахъ и шамхалѣ состоятъ по одному помощнику изъ русскихъ штабъ-офицеровъ, имѣющихъ при себѣ военную канцелярію, а также и особые словесные суды, состоящіе, подобно окружнымъ, изъ депутатовъ отъ народа, кадія и писмоводителя; подобный же словесный судъ находится и при наибѣ при-сулакскомъ.

Таковы низшія административныя учрежденія въ Дагестанской области; но, сверхъ того, для необходимаго сосредоточенія всего относящагося до внутренняго и особенно до военнаго управленія, по нѣскольку округовъ сосредоточено въ вѣдѣніи особыхъ военныхъ начальниковъ, которымъ подчиняются также и ханства и владѣніе Тарковское, но только въ военномъ отношеніи. Такимъ образомъ, вся Дагестанская область, въ настоящее время, состоитъ изъ четырехъ военныхъ отдѣловъ и двухъ гражданскихъ управленій: Дербентскаго градоначальства и управленія портовымъ городомъ Петровскомъ. Военные же отдѣлы и ихъ подраздѣленіе слѣдующее:

(*) Изъ проекта положенія объ управленіи Дагестанскою областію, утвержденнаго г. вѣнстванко зъ 5 апрѣля 1890 года.

1. Сѣверный Дагестанъ состоитъ изъ владѣнiя Тарковского, ханства Мехтулинскаго, Даргинскаго округа и прм-Сулакскаго ханства;

2. Южный Дагестанъ составляютъ: ханства Кюринское и округи Кайтаго-Табасаранскiй и Самурскiй;

3. Среднiй Дагестанъ—изъ округовъ: Гунибскаго и Казикумухскаго (*), ханства Аварскаго и обществъ: Караты, Богуляла, Цунта-Ахвахъ и Бахлукъ, управление которыми возложено на хана аварскаго;

4. Верхнiй Дагестанъ состоитъ изъ одного округа Бежитскаго; но къ нему временно присоединенъ еще Закатальскiй округъ.

Общее управление всей Дагестанской области, какъ гражданское, такъ и военное, сосредоточивается въ лицѣ начальника области, который по военному управленiю носитъ званiе командующаго войсками Дагестанской области, пользуется правами командира корпуса не отдѣленнаго отъ армiи и имѣетъ особый штабъ. Для производства же дѣлъ по гражданскому управленiю краемъ и по управленiю туземными племенами, при начальникѣ области состоитъ особая канцелярiя. Наконецъ, для общей судебной расправы въ области учреждены два главные судебныя мѣста: Дагестанскiй областной судъ (гражданскiй и уголовный) и Дагестанскiй народный судъ (туземный). Первый изъ нихъ состоитъ на общемъ положенiи съ палатами уголовного и гражданскаго суда въ Закавказьи, а второй составляется изъ почетныхъ лицъ Дагестанской области по выбору командующаго войсками подъ предсѣдательствомъ особаго лица, тоже по выбору командующаго войсками, но съ утвержденiя главнокомандующаго кавказскою армiею. Дагестанскiй народный судъ разсматриваетъ всѣ жалобы, поступающiя къ нему по дѣламъ, подлежащимъ разбирательству по адату и шарриату, а также осуживаетъ дѣла по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые командующiй войсками въ области сочтетъ нужнымъ передать на заключенiе суда.

Изложивъ эти главные начала на основанiи которыхъ управляются туземныя племена Дагестана, обратимся теперь къ

(*) Въ 1861 году къ среднему Дагестану причисленъ еще Андiйскiй округъ, образованный изъ частей между Андiйскимъ хребтомъ и Андiйскимъ Койсу, отошедшихъ отъ Терской области.

самому Хаджи-Али, который, во время моего посѣщенія Ириба, былъ наибомъ тлесерухскаго общества, входящаго въ составъ Гунибскаго округа, непосредственно подчиненнаго военному начальнику средняго Дагестана.

Войдя на террасу, служащую какъ бы пріемной залой наиба, я засталъ Хаджи-Али занятымъ дѣлами по управленію ввѣренными ему наибствомъ, и послѣ обыкновеннаго обмѣна первыхъ вѣжливостей просилъ его продолжать свои занятія, а самъ расположился тутъ же въ сторонѣ, чтобы присмотрѣться къ окружающимъ меня лицамъ. На террасѣ было человекъ около пятнадцати горцевъ. Пятеро изъ нихъ сидѣли на низенькой скамейкѣ около стѣны: это были кадін и старшины селеній, — почтенные старики, почти всѣ съ выкрашенными въ красную краску бородами. У каждаго изъ нихъ была въ рукѣ толстая книга корана, единственная печатная книга, какую можно встрѣтить въ горахъ. Самъ наибъ съ приличествующею его сану важностію сидѣлъ, или лучше сказать, полулежалъ на деревянной, покрытой подушками и ковромъ скамьѣ, спинка которой была изукрашена рѣзбою, совершенно напоминашею рѣзбу нашего русскаго произведенія. Подобную же рѣзбу я встрѣтилъ на ставняхъ въ домѣ Хаджи-Али и вообще во многихъ мѣстахъ Дагестана; но это вовсе не есть произведеніе самихъ туземцевъ: по большей части всѣ столярныя и плотничныя работы дѣлались въ горахъ русскими бѣлыми солдатами и довольно высоко были цѣнимы горцами. Затѣмъ остальные присутствующіе принадлежали къ тягавшимся сторонамъ. Предметомъ спора между ними, по обыкновенію, была земля, права на владѣніе которою особенно запуталось во время Шамиля. Въ послѣднія пятнадцать, десять лѣтъ его владычества въ горахъ особенно усилился произволъ и совершенный, самый крайній деспотизмъ наибовъ имама. Малѣйшее подозрѣніе въ неисполненіи предписаній шаріата или же какого нибудь приказанія Шамиля влекло за собою смерть виновнаго и конфискацію его имущества, которое чаще всего передавалось какому нибудь отличившемуся, вѣрному мюриду. Весьма естественно, что, при такомъ порядкѣ дѣлъ, особенно въ послѣднее время, когда горцы явно уже стали тяготиться властію Шамиля, поземельные участки весьма часто мѣнялись своихъ владѣтелей. Съ паденіемъ же Шамиля, отчасти наследники самыхъ виновныхъ, отчасти же тѣ самыя лица, которыя подвергались осужденію, но спаслись отъ наказанія бѣг-

ствомъ, явились къ своимъ прежнимъ владѣніямъ и стали предъявлять свои права на нихъ; особенно же сильно преслѣдуютъ дѣло о возвращеніи ихъ собственности тѣ, которые, спасаясь отъ наказанія, успѣли бѣжать къ Русскимъ: тогда прямая необходимость заставляла ихъ оставить горы, — теперь же они выставляютъ себя за людей, пострадавшихъ будто бы за свою преданность къ Русскимъ. Разборъ этихъ-то претензій и удовлетвореніе ихъ составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ современной русской администраціи въ горахъ Дагестана. Въ Чечнѣ затрудненій этихъ не существуетъ, по обилію удобныхъ земель и вслѣдствіе принятой системы расселенія Чеченцевъ на равнинѣ въ большихъ аулахъ. Въ Дагестанѣ же, гдѣ каждый клочекъ земли дорогъ и гдѣ, притомъ же, переходъ жителей изъ-подъ власти Шамиля подъ управленіе Русскихъ совершился почти миролюбиво, вслѣдствіе добровольнаго подчиненія намъ Лезгиновъ, — здѣсь вопросъ о правѣ поземельнаго владѣнія представляется чрезвычайно важнымъ и, притомъ же, щекотливымъ вопросомъ для нашей администраціи, несмотря на то, что самые спорные участки, по большей части бываютъ крайне незначительны. Такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ, которое разрѣшалось у тлесерухскаго наиба во время моего пріѣзда къ нему, споръ шелъ изъ-за участка, занимавшаго незначительную террасу: не болѣе какихъ нибудь 200 — 300 квадратныхъ аршинъ; а, между тѣмъ, мало-мальски несогласное съ понятіями горцевъ рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ могло бы создать нѣсколько человекъ недовольныхъ. Къ сожалѣнію, при малыхъ познаніяхъ Хаджи-Али въ русскомъ языкѣ, онъ не могъ мнѣ вполне объяснить всѣ подробности рѣшаемаго имъ дѣла. Впрочемъ, дѣло это и не было рѣшено при мнѣ окончательно. Появленіе мое въ домѣ Хаджи-Али совершенно нарушило происходившее засѣданіе; всеобщее вниманіе, не только лицъ, причастныхъ къ дѣлу, но даже и самыхъ судей, было совершенно развлечено моимъ посѣщеніемъ; горцы, не только молодые, но и старики, безцеремонно разсматривали меня; все принадлежавшее мнѣ сдѣлалось предметомъ ихъ любопытства, особенно же имѣвшійся у меня револьверъ. Видя, что всеобщее вниманіе занято мною, наконецъ и самъ Хаджи-Али рѣшился прекратить засѣданіе, отложилъ его до слѣдующаго дня, потребовавъ только, чтобы призванъ былъ какой-то свидѣтель. Тогда уже рѣшительно всѣ, не стѣсняясь, обратились ко мнѣ, и я очень былъ радъ этому,

потому что теперь, по крайней мѣрѣ, присутствіе самого Хаджи-Али давало мнѣ нѣкоторую возможность дѣлать распросы и отвѣчать на нѣкоторые предлагаемые мнѣ вопросы. Больше всего, конечно, интересовалъ горцевъ, какъ я уже сказалъ, мой револьверъ. Они осмотрѣли его во всей подробности и нѣсколько разъ заставляли меня его собирать и разбирать, при чемъ одинъ изъ бывшихъ муридовъ Шамиля, нѣкто Дебиль, красивый, статный мужчина, объявилъ мнѣ, что и у нихъ въ горахъ есть мастера, которые въ состояніи дѣлать подобныя же револьверы и что даже во время Шамиля было уже ихъ нѣсколько сдѣлано и что, притомъ же, они оказались превосходнаго достоинства. Какъ ни кажется это невѣроятнымъ, но, тѣмъ не менѣе, до нѣкоторой степени это возможно, если припомнить, что въ горахъ есть оружейники, дѣйствительно удивляющіе своимъ искусствомъ; однакожь, нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибъ дѣйствительно горцамъ удалось выработать револьверъ, то, по всей вѣроятности, онъ былъ бы очень сомнительнаго достоинства, потому что трудно было бы искать въ немъ той отчетливости пригонки всѣхъ частей механизма, какая требуется вообще въ повторительномъ оружіи. Вообще у горцевъ только и достигаютъ нѣкоторой степени совершенства тѣ простыя производства, которыя не требуютъ сложныхъ приѣмовъ. Такъ, напримѣръ, самое производство даже пороха, этого столь необходимаго для нихъ матеріала, шло крайне неуспѣшно. Я не могъ собрать въ Ирибѣ свѣдѣній о существовавшемъ тамъ во времена Шамиля пороховомъ производствѣ: всѣ инструменты, или, лучше сказать, вся посуда, употреблявшаяся при этомъ, была уничтожена русскими при занятіи ими Ириба. Но мнѣ показывали порохъ, который прежде дѣлали въ этомъ аулѣ. По наружнымъ признакамъ онъ долженъ быть очень плохъ: зерна его меровны, весьма неодинаковаго цвѣта и, притомъ же, чрезвычайно мягки и легко, при малѣйшемъ треніи, обращаются въ мякоть. На сколько я могъ понять изъ объясненій горцевъ, они полагали, что главную силу и главную составную часть его должна составлять сѣра, въ которой меньше всего встрѣчалось недостатка, вслѣдствіе богатыхъ залежей ея, находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дагестана, какъ, напримѣръ, въ Чиркатѣ на Андійскомъ Койсу и близъ Ругджи на Кара-Койсу.

Надо было видѣть удивленіе и восторгъ горцевъ и особенно бывшаго мурида Дебира, какъ кажется, большаго охотника во-

обще до оружія, когда я показалъ имъ находившійся у меня мелкій мушкетный полированный порохъ. Небольшая щепотка его переходила изъ рукъ въ руки, вызывая безпрестанные возгласы удивленія и похвалы: якши, чохъ-якши, раздавалось со всѣхъ сторонъ. Вообще въ Дагестанѣ даже и безъ большой наблюдательности легко можно замѣтить, съ какою любовью мѣстные жители цѣнятъ всякое хорошее оружіе, хотя, собственно говоря, любовь Лезгинъ къ оружію совершенно исчезаетъ передъ страстію, можно сказать, къ оружію нѣкоторыхъ другихъ горскихъ народовъ, какъ-то: Чеченцевъ, Кабардинцевъ и др. Лезгинъ собственно болѣе всего дорожитъ своимъ кинжаломъ и пашкою; особенно же съ первымъ онъ свыкается съ самаго ранняго дѣтства. Въ горахъ весьма часто можно видѣть десяти и даже семилѣтнихъ мальчиковъ, которые уже носятъ кинжалъ часто чуть ли не больше ихъ самихъ. Но замѣчательно, что, какъ кажется, Лезгинъ, дорожа своимъ оружіемъ, вовсе не гоняется подобно, напримѣръ, Кабардинцу, за его красотою или же за красивою отдѣлкою; поэтому-то весьма часто можно встрѣтить самые отличнѣйшіе клинки въ совершенно простыхъ кожаныхъ ножнахъ.

Вообще Лезгины имѣютъ въ своемъ характерѣ болѣе, чѣмъ какія либо другія горскія племена Кавказа, положительности и практическаго взгляда на жизнь. Вліяніе суровой ихъ природы непремѣнно должно было отразиться на нихъ: встрѣчая повсюду преграды для развитія своей дѣятельности, принужденный лишь тяжкимъ трудомъ снискивать себѣ самое скудное пропитаніе, Лезгинъ по необходимости смотритъ на все довольно мрачно и всегда заранѣе обдумаетъ и обсудитъ свои дѣйствія прежде, чѣмъ приступить къ ихъ исполненію. Поэтому-то мы полагаемъ, что Лезгинъ не такъ-то легко взволновать, какъ, напримѣръ, Чеченцевъ или горцевъ изъ племени Адыге; и дѣйствительно: двухлѣтнее владычество наше въ горахъ Дагестана вполне подтвердило это. Между тѣмъ, какъ къ сѣверу отъ Андійскаго хребта происходили почти постоянныя волненія, возбуждаемыя разными честолюбцами, успѣвавшими обманывать легковѣрный чеченскій народъ, собственно во внутреннемъ Дагестанѣ почти не было никакихъ волненій и появившіеся нарушители спокойствія были даже выдаваемы самими ихъ соплеменниками.

Замѣчательно, что когда, напримѣръ, въ 1860 году, открылись волненія въ Аргунскомъ округѣ Терской области, то они

почти нисколько не отозвались на лезгинскомъ населеніи, несмотря на то, что именно ближайшія къ этому округу общества славятся наиболѣе нерасположенными къ русскому управленію. Еще болѣе убѣдительное доказательство этого нашего предположенія мы находимъ въ послѣднихъ дѣйствіяхъ, въ іюлѣ прошлаго года, начальника Средняго Дагестана, генераль-маіора Лазарева, противъ разбойничьей шайки Каракуль-Магомы, появившейся весною въ Ункратль (*). Намъ особенно пріятно упомянуть здѣсь объ этихъ дѣйствіяхъ потому, что въ нихъ мы видимъ образчикъ прекрасно обдуманной и хорошо выполненной системы дѣйствій противъ горцевъ. Въ бытность мою на Гунибѣ, мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ генерала Лазарева, что, въ случаѣ какихъ либо волненій въ горахъ, онъ до послѣдней крайности будетъ воздерживаться отъ употребленія въ дѣло нашихъ войскъ: усмиреніе непокорныхъ, возстановленіе спокойствія въ странѣ онъ всегда намѣренъ былъ возлагать на самихъ же горцевъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Каракуль-Магомы, онъ вполне примѣнилъ къ дѣлу свои мысли: прежде всего онъ посылалъ въ Ункратль каратинскаго жителя Хаджіо (бывшаго казначея Шамиля), всего только съ десятию милиціонерами; затѣмъ двигается самъ противъ возмутителя, сопровождаемый всѣми наивами, ему подчиненными, и 18 сотнями ополченія, составленнаго изъ значительнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ Средняго Дагестана. Разумѣется, для поддержанія на всякій случай этихъ ополченій, онъ взялъ съ собою и часть нашей пѣхоты, съ горными орудіями; но она оказалась почти излишнею. Нравственное вліяніе всѣхъ этихъ распоряженій было уже такъ велико, что все волненіе кончилось даже безъ пролитія крови и главный мятежникъ былъ захваченъ вмѣстѣ съ своими сообщниками.

Но, при всей своей сосредоточенности и видимой серьезности, Лезгинъ не прочь и даже, кажется, очень любитъ всякаго рода удовольствія и веселье. Несмотря на то, что въ теченіе болѣе двадцатилѣтняго управленія Шамиля въ Дагестанѣ строжайше были запрещены музыка, танцы и пѣніе, теперь они снова всюду вводятся. Видно, что если чего желаетъ народный характеръ, то это нелегко искоренить самыми крутыми нака-

(*) Извѣстія объ этихъ дѣйствіяхъ помѣщены въ официальномъ отдѣлѣ № 10 «Военнаго Сборника» 1860 года.

заніями. При Шамилѣ весь Дагестанъ былъ погруженъ въ совершенное молчаніе; единственная пѣсня, какую можно было услышать въ то время, было однообразно монотонное «ля-илляхи-иль-Алла»; всякаго рода музыкальные инструменты, а особенно же танцы, строго были запрещены. Но вотъ не прошло и года еще со времени паденія Шамиля, какъ уже во всякомъ почти аулѣ можно встрѣтить общественныхъ музыкантовъ, на дорогахъ можно слышать громкое пѣніе. Что Лезгины дѣйствительно любятъ музыку и особенно танцы, это лучше всего доказывается тѣмъ, что во всякомъ почти нѣскольکو значительномъ аулѣ содержатся особенные музыканты, состоящіе изъ двухъ, трехъ человѣкъ, которые получаютъ отъ общества нѣкоторое вознагражденіе, преимущественно разными продовольственными припасами, и должны играть во всеобщее удовольствіе, при каждомъ удобномъ случаѣ. Инструменты ихъ весьма несложны и немногочисленны: главный изъ нихъ — зурна, съ аккомпаниментомъ барабана, очевидно перенятаго отъ Русскихъ, и особаго рода тамбуринъ (чиреренъ), въ которомъ вмѣсто кожи вставленъ тонкій мѣдный листъ. Въ бытность мою въ Ирибѣ, мнѣ удалось слышать эту музыку и видѣть танцы Лезгинъ. Съ наступленіемъ вечера, на площадкѣ около дома наиба появились музыканты, разложенъ былъ небольшой костеръ, и къ нему собралось почти все мужское населеніе аула; женщинъ здѣсь не было вовсе, такъ какъ ихъ назначеніе заключается только въ работѣ, а не въ удовольствіяхъ; по шарріату имъ запрещено даже танцовать.

Вотъ раздалась скрипучіе и пискливые звуки зурны, которая сперва одна, какъ бы запѣвало, протянула какой-то нехитрый мотивъ; звуки эти, сначала медленные, стали все болѣе и болѣе учащаться, вотъ къ нимъ присоединилось брянчаніе тамбурина; наконецъ раздалась и дробь, довольно искусно пробитая на барабанѣ. Музыка стала оживленнѣе и постепенно переходила въ болѣе быстрый разиѣръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ видимо стали оживляться и лица присутствующихъ; но извѣстное дѣло, что начало всегда и во всемъ трудно: очевидно, что многимъ хотѣлось потанцовать, но никто не рѣшался выступить первымъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, въ средину круга, со ставленнаго у костра, почти насильно вытолкнули двухъ босоногихъ мальчишекъ, лѣтъ десяти, не болѣе, и они-то открыли этотъ импровизированный горскій балъ. За ними пошли уже и

большіе, при чемъ всегда на серединѣ круга было не болѣе двухъ танцующихъ. Самый танецъ весьма простъ, безъ всякихъ особенныхъ фигуръ; скорѣе его можно назвать бѣганьемъ, съ притоптываніемъ въ тактъ вокругъ костра, при чемъ руки поднимаются къ головѣ, какъ это дѣлается въ лезгинкѣ. Можно сказать, что танецъ этотъ составляетъ первообразъ лезгинки, только повременамъ, чисто, кажется, по усмотрѣнію самихъ музыкантовъ, музыка становится оживленнѣе и самый танецъ живѣе; ловкій танцоръ при этомъ обыкновенно входитъ въ нѣкотораго рода экстазъ, начинаетъ неистово вертѣться, выкидывать ногами самыя причудливыя па и даже иногда пускается въ присядку. Последнее очевидно уже заимствовано отъ нашихъ солдатъ. Хлопанье въ ладоши въ тактъ, которымъ присутствующіе сопровождаютъ музыку, кажется, еще болѣе воодушевляетъ танцующихъ, которые въ азартѣ иногда даже вскрикиваютъ.

Танцы, начавшіеся какъ бы съ неохотою, въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлались чрезвычайно оживленными; танцоры непрерывно смѣнялись, и вскорѣ къ танцамъ присоединилось еще и другое развлеченіе — переодѣванье. Вывернувъ овчину мѣхомъ вверхъ, подвязавъ накладную сѣдую бороду, разгулявшаяся молодежь продѣлывала около костра всевозможныя фарсы и отпускала разныя остроты насчетъ танцующихъ да и вообще насчетъ присутствующихъ. Конечно, все это было крайне грубо; но надо отдать справедливость, что во всѣхъ этихъ шуткахъ не было ничего неприличнаго: онѣ дѣлались безъ всякой натяжки и подъ увлеченіемъ самой непритворной веселости. Этимъ только и можно, кажется, объяснить то, что при этихъ переодѣваньяхъ молодежь выставляла въ смѣшномъ видѣ стариковъ, которые, какъ извѣстно, пользуются вообще уваженіемъ въ горахъ, и даже — о ужасъ! — самого бывшаго имама.

Последнее обстоятельство особенно поразило меня: какъ, неужелижъ жители Дагестана, не болѣе, какъ годъ тому назадъ еще дрожавшіе при одномъ имени Шамиля, провожавшіе его, при его отъѣздѣ съ Гуниба, со слезами и цѣловавшіе его руки, ноги и края одежды, неужелижъ теперь уже эти самые жители не оставили въ своемъ воспоминаніи никакого даже сожалѣнія о прежнемъ своемъ повелителѣ? Неужелижъ онъ до того упалъ уже въ ихъ глазахъ, что они рѣшаются даже, невзирая на его духовный характеръ, надсмѣхаться надъ нимъ? Неуже-

лижъ, наконецъ, и тѣ муриды, которые были ближайшими, такъ сказать, соучастниками и помощниками шамилевской власти, неужелижъ и они даже смотрятъ равнодушно на это оскверненіе памяти своего бывшаго главы и учителя? Всѣ эти вопросы до того казались мнѣ интересными, что я не могъ удержаться, чтобы не попросить объясненія ихъ у моего хозяина и у окружавшихъ его горцевъ. Но вопросы мои показались имъ даже странными; горцы какъ будто бы не могли, а быть можетъ и не хотѣли понять, почему именно я удивляюсь неуваженію ихъ къ памяти Шамиля; они отвѣчали мнѣ, что тогда было имъ дурно, теперь хорошо: чего жъ имъ еще сокрушаться? Что же касается до того, что своими шутками они оскорбляли духовное значеніе имама, то на это мнѣ возражали, что здѣсь теперь не молитва, а веселье, и что если бы даже самъ имамъ видѣлъ это, то, по всей вѣроятности, не оскорбился бы. Вообще мнѣ очень часто приводилось заводить рѣчь съ горцами о Шамилѣ, не только въ Ирибѣ, но и въ другихъ частяхъ Дагестана, и постоянно меня удивляло то равнодушіе, съ которымъ они отзывались о прежнемъ своемъ повелителѣ. Быть можетъ, что на это имѣло вліяніе и мое званіе русскаго офицера и что передо мною они не желали высказываться вполне, но, во всякомъ случаѣ, странно, что я не встрѣчалъ среди горцевъ ни малѣйшаго сочувствія къ нему. Многие, говоря со мною о Шамилѣ, никакъ не хотѣли вѣрить тому, что будто бы онъ живъ и, облагодѣтельствованный Государемъ, живетъ спокойно въ Россіи. Подобнаго снисхожденія и милости къ нему они никакъ не могли понять, и когда я имъ говорилъ, какъ обезпечено теперешнее положеніе Шамиля, то они меня спрашивали: за что же ему это добро, и никакіе мои доводы не могли вразумить имъ идеи, совершенно несходныя съ ихъ азійскимъ складомъ ума. По ихъ мнѣнію, Шамиля слѣдовало казнить какъ побѣжденнаго врага, или же, по крайней мѣрѣ, содержать постоянно въ ямѣ, какъ это дѣлаютъ горцы съ своими плѣнными. А тутъ не только сохранили жизнь Шамилю, да еще и дали ему такіа средства къ жизни, о какихъ онъ никогда и не мечталъ. Рѣшительно, слушавшіе меня горцы недоумѣвали и просто, кажется, даже не вѣрили моимъ рассказамъ. Особенно же они, кажется, потеряли всякую вѣру ко мнѣ, когда на вопросъ ихъ, къ чему ему такъ много денегъ даютъ, я сказалъ имъ, что онъ долженъ теперь жить въ домѣ, который вдесятеро больше

прежней его сакли, и ѣздить въ экипажѣ, который на четырехъ колесахъ и возится не буйволами, а лошадьми; особенно же рассказъ мой объ экипажѣ, или большой арбѣ, какъ горцы называли его, повидимому, внушилъ имъ сильное сомнѣніе къ моимъ словамъ: они недоувѣрчиво стали покачивать головами и болѣе уже не спрашивали меня о жизни Шамиля. Дѣйствительно, для нихъ, не видавшихъ никакихъ экипажей и повозокъ, кромѣ двухколесныхъ арбъ, встрѣчаемыхъ только въ одной Аваріи; трудно и почти невозможно было повѣрить, чтобы Шамиль, котораго они всегда видѣли лишь верхомъ, рѣшился ѣздить въ какой бы то ни было, хотя бы и самой разукрашенной арбѣ.

Ознакомившись нѣсколько въ Ирибѣ съ танцами и музыкою Лезгинъ, мнѣ удалось также получить нѣкоторое понятіе и объ ихъ пѣсняхъ. Но опять-таки незнаніе языка и неимѣніе переводчика стало камнемъ преткновенія и въ этихъ моихъ розыскахъ. Находившійся въ услуженіи у Хаджи-Али горецъ, а также и одинъ изъ милиціонеровъ, служившій мнѣ проводникомъ отъ Ириба далѣе во внутрь страны, доставили мнѣ нѣсколько хотя и самыхъ скудныхъ объясненій о пѣсняхъ Лезгинъ и даже пропѣли нѣкоторыя изъ нихъ. Главное мѣсто между этими пѣснями, какъ кажется, занимаетъ рассказъ о любовныхъ отношеніяхъ между молодымъ горцемъ и молодою дѣвушкою; вся пѣсня состоитъ изъ безчисленнаго числа куплетовъ, кажется, постоянно вновь даже присоединяемыхъ самими поющими; первыя строфы куплета выражаютъ желанія и рѣчи влюбленнаго юноши, послѣднія же—отвѣты на нихъ дѣвушки. Со смысломъ словъ вполне согласуется и самый напѣвъ пѣсни: первая половина куплета поется громко и съ нѣкоторою энергіею; вторая же, заключающая въ себѣ отвѣтъ дѣвушки—болѣе тихимъ и медленнымъ напѣвомъ. Отличительная черта этой пѣсни—страшная монотонность ея и нескончаемость: во время переѣзда моего отъ Ириба до Кулябы, аула, лежащаго на половинѣ пути между Ирибомъ и Гунибомъ, мой проводникъ почти во всю дорогу пѣлъ эту пѣсню своимъ звонкимъ, далеко раздающимся въ горахъ голосомъ. Дикость окружающей природы, ея однообразіе, не одушевленное ни малѣйшею растительностію, какъ нельзя болѣе гармонировали съ этой пѣснію. Очевидно было, что подобная пѣсня только и могла сложиться среди горъ Дагестана. Несмотря на то, что содержаніе ея было вовсе не зауныв-

ное, она далеко не могла назваться веселою пѣснiю; это было скорѣе не пѣніе, а подражаніе гулу горнаго потока, раздающемуся въ дикомъ, каменистомъ ущельи. Да и дѣйствительно, откуда Лезгину среди его горъ выучиться пѣнію? Какая птица научить его этому? Въ горахъ Дагестана, не имѣющихъ почти никакой растительности, кажется, и нѣтъ совершенно никакихъ птицъ; по крайней мѣрѣ, я видѣлъ только однихъ орловъ да такъ называемую горную курочку, что-то похожее на нашу куропатку.

Но кромѣ этой наболѣе извѣстной пѣсни, у Лезгинъ есть еще и другія, и между ними, какъ и слѣдовало ожидать, первое мѣсто занимаютъ героическія пѣсни, воспѣвающія похождения разныхъ знаменитыхъ богатырей Дагестана. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности узнать что нибудь объ этихъ пѣсняхъ, но что онѣ есть, въ этомъ меня положительно увѣрили, и съ этимъ вполне можно согласиться, припомнивши прежніе набѣги Лезгинъ на Закавказье. Между прочимъ, въ Ирибѣ же мнѣ назвали, что у горцевъ есть пѣсни объ одномъ ихъ удалецѣ-разбойникѣ Кіероглу; но это очевидно уже заимствованіе, а не чисто лезгинское сказаніе. Извѣстно, что преданіе о Кіероглу, или Караоглу, какъ его нѣкоторые называютъ, сильно распространено по всему Закавказью. Весьма многія развалины на трудно доступныхъ мѣстахъ называютъ обыкновенно замками или убѣжищами Кіероглу. Справедливѣе всего, кажется, можно предполагать, что Кіероглу былъ Персіанинъ — таково, по крайней мѣрѣ, наиболѣе распространенное мнѣніе. Слѣдовательно, Лезгинны, вѣроятно, только заимствовали пѣсню о Кіероглу или отъ Грузинъ, или же отъ Персовъ во время частыхъ своихъ набѣговъ на Закавказье. Но и это уже обстоятельство показываетъ, что у Лезгинъ есть желаніе воспѣвать различныхъ народныхъ героевъ, а при этомъ желаніи нѣтъ никакого сомнѣнія, что постоянные набѣги Лезгинъ на сосѣдей должны были доставить весьма обильные матеріалы для подобныхъ пѣсней и сказаній. По всей вѣроятности, современемъ, когда Дагестанъ сдѣлается болѣе доступнымъ для нашихъ ученыхъ, вниманіе ихъ будетъ обращено на ходящiи въ народѣ пѣсни и легенды, которыя, въ свою очередь, быть можетъ, и прольютъ нѣкоторый свѣтъ на совершенно темную и не изслѣдованную еще исторію Лезгинъ.

Пробывъ сутки въ Ирибѣ, я оставилъ его, спѣша скорѣе добраться до Гуниба, сдѣлавшагося славнымъ по паденію въ немъ Шамиля и получившаго теперь извѣстность, какъ средоточіе управленія наиболѣе важной части Дагестанской области, именно средняго Дагестана. До Гуниба я надѣялся достигнуть въ одинъ день, перемѣнивъ только лошадей въ Кулябѣ; но задержка, встрѣченная мною въ этомъ послѣднемъ аулѣ, замедлила мой путь, такъ что къ вечеру того дня, когда я выѣхалъ изъ Ириба, я могъ достигнуть только до лагеря стоявшихъ у подножія Гуниба войскъ. Дорога, по которой приходилось мнѣ ѣхать, представляетъ образчикъ самыхъ лучшихъ дорогъ во внутреннемъ Дагестанѣ. Эта дорога была устроена еще во время владычества Шамиля и, конечно, потребуетъ лишь весьма незначительныхъ улучшеній для того, чтобы обратиться въ колесную дорогу. Наиболѣе затрудненій, конечно, можетъ встрѣтиться только при обдѣлкѣ спусковъ къ Кара-Койсу и подъемовъ отъ нея. Одинъ изъ подобныхъ спусковъ уже разработанъ къ мосту, между Кулябою и Ругджою и представляетъ необыкновенно важное улучшеніе этого важнаго пути, соединяющаго Гунибъ, это сердце Дагестана, съ юго-западною частію области. Тутъ же, на этомъ спускѣ, открыто и богатое мѣстонахожденіе каменнаго угля, который толстымъ слоемъ залегаетъ по правому берегу Кара-Койсу. Для Дагестана, совершенно лишеннаго лѣсовъ, гдѣ самое плохое топливо пріобрѣтается дорогою цѣною, подобная находка — сущій кладъ. Поэтому неудивительно, что на это мѣстонахожденіе еще въ 1860 году обращено было вниманіе начальства и приняты мѣры для пріисканія печей, которыя бы давали возможность употреблять каменный уголь для отопленія помѣщеній нашихъ войскъ. Между прочимъ, на Кара-Койсу былъ командированъ горный инженеръ, который, изслѣдовавъ тамошній каменный уголь, предложилъ своего собственнаго изобрѣтенія желѣзныя печи для отопленія этимъ углемъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая лично встрѣтиться съ этимъ офицеромъ и не могли получить никакихъ свѣдѣній о проектированной имъ печи; но надо полагать, что, вѣроятно, со времени поѣздки нашей въ Дагестанъ вопросъ объ отопленіи каменнымъ углемъ уже окончательно разрѣшенъ и, вѣроятно, значительно облегчить наши войска въ пріисканіи столь важнаго продукта, какъ топливо. Вообще разработка каменнаго угля чрезвычайно важна для всего этого края, потому что это первый нашъ шагъ

къ разработкѣ мѣстныхъ богатствъ страны. Большой или меньшій успѣхъ въ этомъ предпріятіи непремѣнно долженъ оказать вліяніе и на самую прочность нашего владычества въ Дагестанѣ. Горцы, особенно же Лезгины, имѣютъ весьма достаточно природнаго здраваго смысла для того, чтобы видѣть въ каждомъ новомъ нашемъ успѣхѣ по разработкѣ страны свою же собственную выгоду. Конечно, они долго еще не будутъ принимать участія въ томъ промышленномъ движеніи, которое придется создавать и поддерживать чисто правительственнымъ путемъ; но, тѣмъ не менѣе, невозможно, чтобы они постепенно не свыкались съ этимъ движеніемъ, особенно, если будутъ видѣть прямую для себя въ томъ пользу. Дагестанъ еще слишкомъ мало изслѣдованъ нами; но нельзя сомнѣваться въ его богатствѣ произведеніями царства минеральнаго. По словамъ производившаго въ 1860 году геологическія розысканія во внутреннемъ Дагестанѣ академика Абиха,—во многихъ мѣстахъ его замѣтно присутствіе богатыхъ желѣзныхъ рудъ, которыя, по всей вѣроятности, должны быть очень хорошаго качества. Въ топливѣ же собственно минеральномъ также не можетъ встрѣтиться недостатка. Какъ ни мало изслѣдованъ еще внутренней Дагестанъ, но уже и теперь въ немъ открыто нѣсколько прекрасныхъ мѣстопохожденій каменнаго угля и даже торфа. Такъ первый открытъ уже выше Гуниба, на Кара-Койсу, у Карадахскаго моста и въ Аваріи; послѣдній же найденъ также въ Аваріи и на Турчидагѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что разработка этихъ богатствъ должна оказать весьма большое вліяніе на состояніе самаго горскаго населенія, а особенно же должна была бы принести громадную пользу для всего Кавказскаго края и даже для всей Южной Россіи, которые въ настоящее время крайне нуждаются въ металахъ и особенно въ желѣзѣ. Потребность въ послѣднемъ металлѣ непремѣнно съ каждымъ днемъ должна все болѣе и болѣе увеличиваться, по мѣрѣ развитія земледѣлія и вообще промышленной дѣятельности въ Южной Россіи, которая до сихъ поръ, такъ же, какъ и самый Кавказъ, для удовлетворенія своихъ немногихъ потребностей, получала желѣзо съ нашихъ уральскихъ заводовъ. Собственно же Кавказскій край хотя и богатъ желѣзными рудами, но, несмотря на хорошее качество этихъ рудъ, онѣ почти нигдѣ не обрабатываются. Такъ въ Закавказьи особенно богатъ желѣзною рудою Елисаветпольскій уѣздъ Тифлисскаго губерніи, гдѣ находятся богатые мѣсто-

нахожденія желѣзнаго блеска и магнитнаго желѣзняка въ Ай-рюмскомъ участкѣ. Руда эта разрабатывается только въ самыхъ небольшихъ разиѣрахъ одними мѣстными жителями селеній— Дашкесана, Бояна, Куци, Сеидъ и Човдаръ. Кромѣ того желѣзныя руды найдены еще въ Тифлисскомъ уѣздѣ и въ Кутаисской губерніи, въ Рачинскомъ уѣздѣ; въ трехъ верстахъ отъ деревни Цедиссы, гдѣ руда, находясь на владѣльческой землѣ по сосѣдству съ мѣстонахожденіями тквибульскаго каменнаго угля, обдѣлывается только мѣстными жителями. Наконецъ въ самомъ Дагестанѣ, извѣстно, что горцы всегда выработывали сами для себя необходимое для нихъ оружіе; слѣдовательно, надо предполагать, что имъ были извѣстны мѣстонахожденія рудъ и нѣкоторые приемы при ихъ обработкѣ. Это уже одно обстоятельство, что во многихъ мѣстностяхъ Кавказскаго края производилась разработка металловъ самими туземными жителями, должна служить указаніемъ на возможность развитія между ними горнаго промысла. Но для того, чтобы этотъ промыселъ дѣйствительно получилъ надлежащее развитіе, необходимо прежде всего, чтобы явилась настоящая потребность въ произведеніяхъ его и чтобы самая страна на столько успокоилась, чтобы была въ состояніи привлечь къ себѣ свободные капиталы, безъ которыхъ невозможно и самое развитіе промысла. Покореніе восточнаго Кавказа, успокоеніе его, проложеніе черезъ горы хорошихъ путей сообщеній, введеніе въ краѣ администраціи не стѣснительной и не обидной для мѣстныхъ жителей — вотъ тѣ шаги, которыми идетъ наше правительство для того, чтобы притянуть къ богатымъ Кавказскимъ горамъ свободные капиталы; проектированіе желѣзной дороги черезъ все Закавказье, самое устройство этой дороги можетъ оказать чрезвычайно благотворное вліяніе на приложеніе этихъ капиталовъ къ горному промыслу, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, умиротвореніе Кавказа можетъ пойти самымъ правильнымъ и прочнымъ образомъ. Конечно, это перерожденіе воинственнаго горскаго населенія въ населеніе трудолюбивое, горно-промышленное не можетъ совершиться быстро, черезъ одно или два поколѣнія, но, тѣмъ не менѣе, оно возможно, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, а этого-то и не слѣдовало бы терять изъ вида нашимъ администраторамъ.

Переночевавъ въ лагерѣ самурскихъ баталіоновъ, находившихся на дорожныхъ работахъ между Гунибомъ и Ругджою,

26 іюля, рано утромъ, я выступилъ изъ лагеря и часмъ къ десяти былъ уже на самомъ Гунибѣ, въ расположеніи управленія среднимъ Дагестаномъ. Управление это, въ бытность мою на Гунибѣ, не имѣло еще устроеннаго помѣщенія, а было расположено частію въ палаткахъ, частію же въ войлочныхъ кибиткахъ, которыя должны были служить до тѣхъ поръ, пока не будутъ устроены особыя зданія для помѣщенія всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ управленію среднимъ Дагестаномъ. При мнѣ же на Гунибъ прибылъ инженерный офицеръ, которому была поручена постройка этихъ зданій, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время постройки эти уже окончены и что, такимъ образомъ, на мѣстѣ бывшаго, послѣдняго убѣжища Шамиля возникла уже новая небольшая русская колонія. Но во время моего посѣщенія Гуниба все управленіе среднимъ Дагестаномъ помѣщалось временно чисто по военному, лагеремъ, на юго-восточномъ скатѣ Гуниба, на небольшой площадкѣ, среди каменныхъ массъ, изобиловавшихъ фалангами и скорпионами, которые часто появлялись даже въ палаткахъ. Три или четыре большія кибитки, десятокъ маленькихъ палатокъ да одна большая, служившая столовою для всего управленія, да еще нѣсколько шалашей — вотъ и все помѣщеніе средоточія управленія средняго Дагестана. Все это служило явнымъ указаніемъ, что здѣсь еще недавно раздавался гулъ войны, что Русскіе недавніе пришельцы въ этомъ краѣ. Но, съ другой стороны, это временное расположеніе имѣло какой-то особенный свой характеръ; въ немъ почти не видно было нашихъ солдатъ — всего одинъ часовой, да кой-гдѣ виднѣлись вѣстовые; затѣмъ значительное большинство людей, двигавшихся около палатокъ, составляли горцы, вполне вооруженные пашками, кинжалами, пистолетами. Все это придавало управленію средняго Дагестана видъ не столько русскаго, какъ болѣе туземнаго, мѣстнаго учрежденія. Вглядѣвшись въ лица горцевъ, шатавшихся около палатокъ управленія, еще болѣе можно было придти къ этому заключенію: между этими горцами можно было встрѣтить почти всѣхъ самыхъ приближенныхъ, самыхъ вѣрныхъ слугъ, въ былое время, Шамиля. Какъ это ни странно кажется, но оно такъ, потому что дѣйствительно теперешній начальникъ средняго Дагестана успѣлъ окружить себя... мало того: успѣлъ привязать къ себѣ почти всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя пользовались довѣріемъ и расположеніемъ Шамиля. Вслѣдствіе того, почти всѣ лучшіе шамилевскіе шюриды нахо-

дятся въ настоящее время въ составѣ милиціи, окружающей генераль-маіора Лазарева. Очевидно, что польза отъ подобнаго распоряженія неизмѣримо велика, по тому влиянію, какое оказываетъ на жителей примѣръ всѣхъ лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ людей страны. Надо замѣтить, что мѣстные жители хотя и боялись мюридовъ, какъ слѣпыхъ исполнителей воли шиама и поставленныхъ отъ него наибова, но, тѣмъ не менѣе, не могли не уважать тѣхъ же мюридовъ, какъ людей наиболѣе отважныхъ и храбрыхъ; притомъ же, мюриды преимущественно набирались изъ наиболѣе богатыхъ и уважаемыхъ въ странѣ семействъ. Поэтому-то чрезвычайно важно было привязать къ себѣ именно этихъ людей, черезъ что пріобрѣталась также и весьма важная возможность имѣть всегда подъ ближайшимъ непосредственнымъ надзоромъ именно тѣхъ людей, которые, по своему личному характеру, а еще болѣе по своей прошедшей жизни, могутъ сдѣлаться опасными для спокойствія страны. Самое трудное дѣло было именно привязать къ себѣ этихъ-то людей, и это-то трудное дѣло выполнено генераломъ Лазаревымъ съ самымъ блестящимъ успѣхомъ. Но для того, чтобы понять возможность этого успѣха, необходимо нужно сказать нѣсколько словъ о замѣчательной личности настоящаго начальника средняго Дагестана, генераль-маіора Ивана Давыдовича Лазарева.

Происходя изъ бѣднаго армянскаго семейства, Иванъ Давыдовичъ началъ свою службу юнкеромъ въ одномъ изъ полковъ теперешней 21 пѣхотной дивизіи и своимъ возвышеніемъ обязанъ только одними своимъ способностямъ, посвятивъ ихъ совершенно службѣ и полному изученію кавказскихъ горцевъ. Отличаясь даже между кавказскими воинами необыкновенною храбростію, онъ соединялъ ее съ чрезвычайною осторожностію и находчивостію въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Посвятивъ себя совершенно службѣ на Кавказѣ и преимущественно въ Дагестанѣ, Иванъ Давыдовичъ превосходно изучилъ характеръ горцевъ и можетъ по справедливости назваться однимъ изъ лучшихъ знатоковъ его. Знаніе въ совершенствѣ татарскаго языка, общаго всему мусульманскому населенію Кавказа, чрезвычайно облегчаетъ ему сношенія съ горами, давая возможность обходиться безъ переводчика, что чрезвычайно важно, такъ какъ переводчики весьма часто, или по личнымъ своимъ видамъ, или же по своему невѣжеству, совершенно переиначиваютъ смыслъ передаваемаго ими. Способности Ивана Давыдовича были впервые

оцѣнены княземъ Аргутинскимъ-Долгоруковымъ, пріобрѣтшимъ въ свое время громкую извѣстность въ Дагестанѣ. Князь Аргутинскій первый исполнѣ оцѣнилъ, на сколько способности и знаніе страны Иваномъ Давыдовичемъ могутъ быть полезны для края, и неоднократно употреблялъ его для разныхъ, самыхъ важныхъ порученій. Наконецъ наибольшую извѣстность пріобрѣлъ И. Д. Лазаревъ, управляя Мехтулинскимъ ханствомъ, во время котораго онъ не только совершенно успокоилъ до того волновавшихся Мехтулинцевъ, но съ самыми лишь незначительными силами, имѣя часто не болѣе, какъ только нѣсколькихъ казаковъ, онъ водворилъ полное спокойствіе въ этой части Дагестана, ввелъ между жителями особый земскій сборъ (почтъ-ахчасы), по 60 коп. сер. въ годъ съ двора, и исполнѣ успѣшно отражалъ всѣ нападенія разбойническихъ партій.

Многіе упрекаютъ Ивана Давыдовича въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно строгъ и даже жестокъ съ горцами; но подобныя упреки только и могутъ являться со стороны тѣхъ, кто судить о кавказскихъ горцахъ съ европейской точки зрѣнія. Горецъ, какъ и вообще почти всѣ Азіятцы, привыкъ къ строгости со стороны старшихъ и никогда не посмѣетъ роптать на строгость, особенно если она соединяется съ справедливостію, которая для горца всегда выше всего. Для того же, чтобы имѣть возможность быть всегда справедливымъ съ горцемъ, необходимо имѣть огромный запасъ терпѣнія, чтобы хладнокровно выслушивать жалобы туземцевъ, часто отличающіяся совершенною нелѣпостію. Этимъ-то терпѣніемъ исполнѣ, въ высшей степени обладаетъ И. Д. Лазаревъ. Надо замѣтить, что горецъ чрезвычайно любитъ обращаться къ своему начальству не только съ жалобами, но весьма часто и съ просьбами за совѣтомъ. Иванъ Давыдовичъ исполнѣ, во всякое время доступенъ для всѣхъ этихъ просителей; въ бесѣдахъ съ ними онъ проводитъ большую часть своего свободнаго времени. Въ бытность мою на Гунибѣ, я почти постоянно видѣлъ его окруженнаго толпою горцевъ, съ которыми онъ постоянно бесѣдовалъ. Но не лишне замѣтить, что и въ этихъ бесѣдахъ онъ исполнѣ умѣетъ сохранять начальническій и даже нѣсколько гордый тонъ съ горцами, и это исполнѣ необходимо, потому что горцы не привыкли и не могутъ понять того, чтобы начальникъ могъ быть фамиліаренъ съ ними, могъ бы пускаться съ ними въ шутки. Для нихъ начальникъ всегда представляется

чѣмъ-то высшимъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ людей; но въ то же время они желаютъ, чтобы этотъ начальникъ былъ доступенъ для нихъ, внимательно бы ихъ выслушивалъ, а не отталкивалъ отъ себя. Такимъ-то именно начальникомъ и является для нихъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, а потому и неудивительно, что имя его извѣстно по всему Дагестану и что горцы, хотя и боятся его, но въ то же время любятъ и уважаютъ его. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить то, что Шамиль, оставляя Кавказъ, передалъ подъ покровительство Ивана Давыдовича всѣхъ своихъ наиболее приближенныхъ мюридовъ, которые и находятся въ настоящее время при начальникѣ средняго Дагестана.

Наконецъ та роль, какую игралъ Иванъ Давыдовичъ при сдачѣ Шамиля, показываетъ уже достаточно, какимъ значеніемъ пользуется онъ между горцами. Роль эта прошла совершенно незамѣченною среди громкихъ событій 1859 года, и, сколько намъ помнится, объ участіи полковника Лазарева (*) въ сдачѣ Шамиля нигдѣ даже и не упоминалось, точно такъ же, какъ и вообще о всѣхъ мелкихъ, но, тѣмъ не менѣе, характеристическихъ обстоятельствахъ этого знаменитаго въ судьбѣ Кавказа событія. Это-то обстоятельство и заставляетъ насъ передать здѣсь нѣкоторыя подробности о сдачѣ Шамиля и о взятіи Гуниба,—подробности, которыя были собраны нами на самомъ мѣстѣ этихъ событій, преимущественно отъ самыхъ же ихъ очевидцевъ.

Гунибская гора, которую Шамиль избралъ для послѣдняго своего убѣжища, представляетъ громадную горную массу, поднимающуюся болѣе чѣмъ на 7,500 футовъ надъ уровнемъ океана. Фигура этой горной массы представляетъ собою неправильную трапецію, имѣющую до 50 верстъ окружности у подножія и напоминающую въ планѣ форму генеральскаго эпюлефа. Верхняя поверхность Гунибъ-Дага представляетъ обширную котловину, имѣющую общій наклонъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; въ этомъ же направленіи, въ глубокомъ, обрывистомъ оврагѣ, течетъ и небольшая рѣчка, на которой расположенъ, почти по срединѣ котловины, аулъ Гунибъ, имѣющій около 100 дворовъ. Дорога отъ аула идетъ по правому берегу рѣчки, про-

(*) Произведеннаго за это участіе въ сдачѣ Шамиля въ генераль-майоры.

текающей въ глубокой трещинѣ и, не болѣе какъ въ верстѣ отъ аула, огибаеть прекрасивую березовую рощицу, лежащую на скатѣ холма, съ котораго весь гунибскій аулъ видѣнъ какъ на ладони. Дойдя до внѣшней юго-восточной окраины котловины, рѣчка, прорѣзывающая ее, прокладываетъ себѣ дальнѣйшій путь по внѣшнему скату Гунибъ-Дага, для достиженія Кара-Койсу, въ которую она и впадаетъ нѣсколько выше аула Кудали. На этомъ-то юго-восточномъ скатѣ Гуниба, наиболѣе доступномъ изъ всѣхъ прочихъ его внѣшнихъ скатовъ, и были расположены по трудно доступнымъ и необширнымъ террасамъ поля и сады гунибскихъ жителей, которые хотя и пострадали нѣсколько при взятіи Гуниба, но, тѣмъ не менѣе, существуютъ и до настоящаго вреяени. Здѣсь-то, на этомъ скатѣ, и были сосредоточены главныя оборонительныя средства Шамиля, состоявшія изъ двухъ хорошо сложенныхъ каменныхъ стѣнъ, съ продѣланными въ нихъ бойницами. Кромѣ того, на обрывѣ праваго берега рѣчки были устроены завалы, за которыми поимѣщалось одно орудіе, а на лѣвомъ берегу ручья стояла каменная башня, вполне сохранившаяся до настоящаго времени. Затѣмъ со всѣхъ другихъ сторонъ Гунибъ-Дагъ могъ считаться вполне недоступнымъ, а потому тамъ только мѣстами были устроены кой-гдѣ завалы, да нагромождены кучи камней, которые предполагалось сбрасывать на атакующихъ. Укрывшись въ Гунибѣ съ самымъ лишь незначительнымъ числомъ (не болѣе 400 человекъ) своихъ приверженцевъ, Шамиль надѣялся выждать здѣсь болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствъ. Онъ полагалъ, что успѣхи нашихъ войскъ будутъ остановлены недоступностію Гуниба, что ему удастся протянуть время до наступленія зимы, и что тогда войска наши, встрѣчая затрудненія въ продовольствіи, должны будутъ уйти изъ нагорнаго Дагестана и тѣмъ самымъ развяжутъ снова ему руки. Конечно, всѣ эти предположенія его были основаны на многочисленныхъ примѣрахъ прошедшаго; но онъ упустилъ изъ вида то, что за послѣднее время система нашихъ дѣйствій противъ горцевъ совершенно измѣнилась. Владѣя громадными средствами, какихъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одинъ изъ его предшественниковъ, князь Барятинскій твердо рѣшился до тѣхъ поръ не оканчивать своей кампаніи противъ восточнаго Кавказа, пока Шамиль не будетъ взятъ живымъ или мертвымъ. Поэтому-то,

сосредоточивая войска у подножія Гуниба, главнокомандующій уже тогда рѣшилъ, что до тѣхъ поръ не уйдетъ оттуда, пока не овладѣтъ Шамилемъ. Не будемъ распространяться о томъ, какъ войска наши сосредоточились подъ Гунибомъ, какъ они окружили его со всѣхъ сторонъ и какъ въ первые дни этой блокады Шамиль, желая выиграть время, завелъ переговоры, которые ни къ чему не повели. Все это извѣстно уже болѣе или менѣе подробно изъ официальныхъ донесеній и изъ частныхъ писемъ того времени. Извѣстно также, что 22 августа всякіе переговоры съ Шамилемъ были наконецъ прерваны и войскамъ приказано было усилить блокаду. Главное начальство надъ всѣмъ блокаднымъ корпусомъ имѣлъ генераль-адъютантъ баронъ Врангель; но, оставаясь подъ его начальствомъ, войска въ то же время были поручены и генераль-маіору Кесслеру, который былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ инженерныхъ работъ, какія встрѣтилось бы необходимымъ производить противъ Гуниба. Вообще надо сказать, что мнѣнія какъ начальниковъ войскъ, такъ и въ самыхъ войскахъ относительно того, какъ овладѣтъ Гунибомъ, были чрезвычайно различны. Всѣмъ, съ равнымъ нетерпѣніемъ, хотѣлось видѣть скорѣйшее окончаніе войны, всѣ вполне раздѣляли задушевную мысль главнокомандующаго, что не слѣдуетъ уходить изъ-подъ Гуниба до тѣхъ поръ, пока не овладѣютъ Шамилемъ. Но взгляды на средства къ достиженію этой цѣли были весьма различны: одни считали необходимымъ, по возможности, болѣе сберегать силы нашихъ войскъ и полагали, что если строго блокировать Гунибъ, постепенно, хотя бы и медленно, овладѣвать его завалами, то все-таки окончательнымъ результатомъ такой системы дѣйствій непременно будетъ сдача Шамиля. Мнѣніе это преимущественно раздѣляли старшіе начальники войскъ, желавшіе лучше дѣйствовать медленно и осторожно, но вѣрно. Напротивъ же того, войска горѣли нетерпѣніемъ какъ можно скорѣе овладѣтъ Гунибомъ; они готовы были на всевозможныя пожертвованія, лишь бы овладѣтъ Шамилемъ и покончить войну. Это и вполне понятно: русскій солдатъ вообще не любитъ никакихъ медленныхъ, систематическихъ дѣйствій; всякаго рода блокады, осадная война, выжиданіе въ траншеяхъ для него невыносимы и скучны. Въ этомъ какъ-то инстинктивно въ немъ сказывается та русская удаля, которая выразилась въ извѣстной поговоркѣ:

«хоть рыло въ крови, а наша взяла». Русскому солдату неважно то, что онъ потеряетъ въ бою половину своихъ товарищей, лишь бы побѣда-то осталась на его сторонѣ. Поэтому-то всегда съ русскимъ солдатомъ, если только онъ не деморализированъ предшествовавшими неудачами, можно рѣшиться на самыя отчаянныя дѣла, и онъ всегда скорѣе и охотнѣе ихъ выволнитъ, тѣмъ какія бы то ни было хитросплетенныя и даже превосходно обдуманныя соображенія. Тѣмъ болѣе еще это примѣнимо къ кавказскому солдату, въ которомъ природная удаль и молодечество еще болѣе развиты горскою войною. Солдаты, блокировавшіе Гунибъ, видѣли передъ собою, по ихъ собственному выраженію, горы какъ слѣдуетъ быть, и не находили въ неприступности Гуниба ничего особеннаго сравнительно съ другими встрѣчавшимися имъ неприступными позиціями горцевъ. Надо не забывать, что войска, сосредоточившіяся подъ Гунибомъ, были уже въ горной Чечнѣ и въ самыхъ малодоступныхъ мѣстахъ внутренняго Дагестана, а потому и не удивительно, что между войсками существовало мнѣніе, что Гунибъ возможно взять съ бою, приступомъ. Къ этому надо прибавить еще и то, что солдаты представляли себѣ, что, со взятіемъ Шамиля и съ занятіемъ Гуниба, для нихъ кончатся всѣ трудности боевой жизни, ихъ отведутъ въ постоянныя штабъ-квартиры и уже не станутъ беспокоить назначеніемъ въ славныя, но, тѣмъ не менѣе, очень трудныя экспедиціи.

Эти-то оба средства, представлявшіяся столь очевидно для овладѣнія Гунибомъ, и рѣшено было употребить. Собственно официально положено было приступить къ постепенному и медленному овладѣнію завалами горцевъ; но, въ то же время, полуофициально разрѣшено было войскамъ самимъ искать возможности взобраться на Гунибъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобы дѣйствовали осмотрительно, не подвергая себя потерямъ и неудачамъ; однимъ словомъ, генераль-адъютантъ баронъ Врангель дозволилъ дѣлать попытки къ тому, чтобы взобраться на Гунибъ. Подобное дозволеніе тѣмъ болѣе было понятно и возможно, что, сколько было извѣстно, у Шамиля было не болѣе 400 человекъ вооруженныхъ людей, а этого слишкомъ было мало не только для того, чтобы защищать, но даже и для того, чтобы охранять всю окружающую Гунибъ-Дага.

Разъ, что подобное дозволеніе было дано, надо было ожи-

дать, что непременно найдутся охотники выполнить его. Въ кавказскихъ войскахъ, какъ между офицерами, такъ и между солдатами, есть очень много такихъ личностей, которыя безъ желанія себѣ славы или извѣстности, просто по одной любви къ искусству, являются постоянно охотниками на самыя отважныя и часто кажущіяся невыполнимыя дѣла. Это охотники до охоты на горцевъ. Для нихъ опасности и трудности не существуютъ, если только представляется хотя малѣйшая возможность какъ нибудь, хотя хитростію, хотя силою одолѣть горца; они ведутъ войну совершенно по своему и часто могутъ оказывать громадныя услуги цѣлымъ отрядамъ. Люди эти представляютъ самый лучший элементъ для формировація различныхъ партизанскихъ отрядовъ, командъ охотниковъ и проч., о чемъ мы имѣли случай уже говорить въ первой главѣ. Къ сожалѣнію, наше общество рѣшительно ничего не знаетъ объ этихъ герояхъ, которые, съ своей стороны, сами и не гоняются вовсе затѣмъ, чтобы кто нибудь зналъ объ ихъ подвигахъ но, тѣмъ не менѣе, право, отчасти стыдно кавказскимъ ихъ сослуживцамъ, что они, по крайней мѣрѣ, не знакомятъ своихъ соотечественниковъ съ этими скромными, но замѣчательными личностями. Вѣдь послѣ всякой европейской войны, веденной съ участіемъ Россіи, является множество описаній разныхъ частныхъ подвиговъ, иногда доводимыхъ просто до смѣшнаго: подъ однимъ убита лошадь, у другаго прострѣленъ сюртукъ, третій выхватилъ саблю да крикнулъ: «впередъ, ребята!» или что нибудь въ этомъ родѣ; иногда даже про такихъ-то героевъ расскажутъ и всю подноготную, гдѣ учился да гдѣ прежде служилъ. А на Кавказѣ сплошь да рядомъ совершаются подвиги въ тысячу разъ поважнѣе, и о нихъ никто ничего не знаетъ. Скромность Кавказцевъ заставляетъ ихъ быть даже несправедливыми къ себѣ. Такъ, напримѣръ, подъ Гунибомъ, капитанъ Сворцовъ и порщикъ Кушнеревъ первые съ охотниками взобрались на Гунибъ, который считался съ этой стороны совершенно неприступнымъ, — и что же мы знаемъ о нихъ? Французы, тѣ бы о ихъ подвигѣ болѣе прошумѣли, чѣмъ мы о взятіи Шамиля, а наше общество пропустило это безъ всякаго вниманія. Къ сожалѣнію, и мы сами, въ кратковременное пребываніе наше на Кавказѣ, не могли собрать точныхъ, вполне опредѣлительныхъ свѣдѣній объ этихъ частныхъ подвигахъ; все, что могли мы

узнать, это то, что еще 23 и 24 августа нѣкоторые охотники, и въ томъ числѣ капитанъ Скворцовъ и прапорщикъ Кушнерева, допоздали почти до самой верхней окраины Гунибъ-Дага и вполне осмотрѣли тѣ мѣста, по которымъ удобнѣе всего можно было взобраться на эту гору. По слѣдамъ этихъ передовыхъ смѣльчаковъ стали взбираться охотники, а за ними уже и цѣлые баталіоны, такъ что на разсвѣтѣ 25 августа наши войска уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ были на Гунибѣ и направлялись къ лежащему по срединѣ его верхней плоскости аулу. Густой туманъ, охватывавшій въ это утро всю вершину Гунибъ-Дага, вполне благопріятствовалъ нашимъ войскамъ, скрывая отъ горцевъ нашъ подъемъ на гору. Поэтому-то весьма немногія только изъ частей нашихъ войскъ встрѣтили нѣкоторое сопротивленіе со стороны небольшихъ постовъ мюридовъ. Кажется даже, что только одни Апшеронцы должны были брать съ боя завалы у верхней окраины горы, защищаемые не болѣе какъ человѣками 20 — 25 горцевъ. Наиболѣе же значенія имѣло поднятіе на Гунибъ-Дагъ баталіоновъ Самурскаго полка: они поднялись именно къ мѣстамъ, ближайшимъ къ юго-восточному скату горы, по обѣ его стороны, и, взойдя на верхнюю плоскость Гуниба, очутились прямо въ тылу заваловъ горцевъ.

Между тѣмъ, въ нашей главной квартирѣ вовсе ничего не знали о томъ, что войска уже поднялись на Гунибъ. Только уже часовъ въ девять утра генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, выѣхавши къ расположенію Ширванцевъ, стрѣлки которыхъ еще 24 числа залегли за камнями въ виду непріятельскихъ заваловъ на юго-восточномъ скатѣ, замѣтилъ, что при разсѣивающемся туманѣ на вершинѣ Гунибъ-Дага блестятъ какъ будто бы штыки. Сопровождавшіе барона Врангеля просто не хотѣли вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ, но сорванная вслѣдъ за тѣмъ непріятельская палатка, стоявшая на верхней окраинѣ Гуниба, показала ясно, что дѣйствительно на горѣ были уже наши войска и что горцы спѣшатъ оставить оборону ея скатовъ. Тогда-то генералъ Врангель снялъ папаху и крикнулъ Ширванцамъ: «ура!» Приказаніе это было столь неожиданно для Ширванцевъ, что нужно было два раза повторить его, и только тогда уже роты 1 и 2 баталіоновъ Ширванскаго полка двинулись впередъ въ штыки. Атака эта, слишкомъ дорого намъ стоившая, была совершенно излишнею: горцы и безъ нея оста-

вѣли бы свои завалы, будучи угрожаемы съ тыла Самурцами и зная, что наши войска уже взобрались на Гунибъ-Дагъ и подходят къ аулу. Но теперь, будучи атакованы и съ фронта, видя всю безвыходность своего положенія, мюриды защищались отчаянно и хотя были почти всѣ истреблены, но за то нанесли чувствительныя потери Ширванцамъ: послѣдніе лишились болѣе ста человѣкъ выбывшими изъ строя. Это единственно значительная потеря, понесенная нами при взятіи Гуниба.

Между тѣмъ, колонны нашихъ войскъ, взобравшіяся на Гунибъ-Дагъ, спѣшили туда, гдѣ они надѣялись встрѣтить наибольшее сопротивленіе и гдѣ рассчитывали найти самого Шамиля, именно къ самому аулу Гунибъ. И дѣйствительно: съ достиженіемъ нашими войсками вершины горы, въ аулѣ укрывся Шамиль съ своимъ семействомъ и съ немногочисленной, оставшеюся ему вѣрною до послѣдней минуты толпою мюридовъ; войска же наши подошли уже къ самому аулу и даже заняли часть его, расположенную на лѣвомъ берегу ручья, а также и находившееся здѣсь кладбище. Уже войска готовы были ринуться на занятіе и этой послѣдней части гунибскаго аула, этого послѣдняго оплота мюридизма; но въ это самое время надъ одною изъ саклей аула показался бѣлый флагъ. Перестрѣлка смолкла, и изъ аула выѣхалъ для переговоровъ извѣстный казначей имама — Хаджію, сопровождавшій впоследствии Шамиля въ его поѣздкѣ въ Петербургъ. Но, собственно говоря, переговоровъ здѣсь уже не могло быть: только одна безусловная сдача Шамиля могла предотвратить дальнѣйшее кровопролитіе. Это было понятно для всякаго; однако, Шамиль, медлилъ сдаваться и имѣлъ еще смѣлость предлагать нашему главнокомандующему свои условія, исполненія которыхъ требовалъ. Условія эти, сколько извѣстно, главнѣйше заключались въ томъ, чтобы ему было назначено постоянное содержаніе отъ русскаго правительства и дозволено вмѣстѣ съ семействомъ уѣхать въ Турцію. Нѣкоторые приписываютъ эту смѣлость Шамиля тому, что онъ до того растерялся въ эти послѣднія минуты своего владычества, что самъ не могъ вполне оцѣнить всей безвыходности своего положенія и не могъ сообразить, что то, что было предлагаемо ему нѣсколько времени тому назадъ, сдѣлалось вполне невозможнымъ уже теперь. Конечно, если, несмотря на всю свою силу воли и энергію характера, Шамиль и потерялся въ эту критическую

для него минуту, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ былъ въ такомъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ еще никогда не находился. И прежде бывалъ онъ въ такомъ положеніи, что бязокъ уже былъ попасть въ руки Русскихъ, но тогда онъ видѣлъ, что почти всѣ горцы были на его сторонѣ; тогда стоило ему только бѣжать, и онъ могъ рассчитывать, что вскорѣ увидитъ себя снова во главѣ новыхъ, многочисленныхъ скопищъ. Теперь же обстоятельства были совершенно иныя: онъ видѣлъ, что если ему и удастся избѣгнуть плѣна въ Гунибѣ, то ему некуда будетъ укрыться, его нигдѣ не примутъ; онъ видѣлъ, что всѣ его наибы уже покорились Русскимъ, что народъ, пожалуй, и въ другихъ обществахъ, подобно Каратинцамъ, не допуститъ его въ свои аулы, что наконецъ, если онъ и убѣжитъ изъ Гуниба, то оставитъ въ немъ на жертву Русскимъ все свое семейство, да и самъ, ранѣе или позже, не избѣгнетъ плѣна. Будь онъ въ Гунибѣ еще одинъ только съ своими мюридами, онъ, быть можетъ, и рѣшился бы пасть съ оружіемъ въ рукахъ, защищая послѣдній оставшійся ему еще вѣрнымъ аулъ; но тутъ же возлѣ него было его семейство, онъ слышалъ плачь и рыданія своихъ женъ и дочерей! Дѣйствительно, было отъ чего растеряться, въ особенности, если припомнить еще и то, что Шамиль, по своимъ воззрѣніямъ, считалъ насъ и вправѣ и способными на то, что мы его разстрѣляемъ, повѣсимъ или отрубимъ голову. Положеніе его дѣйствительно было крайне затруднительно, и вполне понятно колебаніе его согласиться на безусловную сдачу. Въ своихъ притязательныхъ требованіяхъ онъ, быть можетъ, хотѣлъ еще въ послѣдній разъ напомнить нашему главнокомандующему, что онъ былъ двадцать-пять лѣтъ духовнымъ и свѣтскимъ повелителемъ всей этой страны и что вслѣдствіе того ему обязаны сдѣлать снисхожденіе. Наконецъ, быть можетъ, что, затѣвая переговоры объ условіяхъ своей сдачи, Шамиль надѣялся и на то, что ему удастся протянуть эти переговоры до ночи, а ночь какъ нибудь измѣнитъ его положеніе.

Но князь Барятинскій прибывшій въ это время уже на верхнюю плоскость Гуниба и расположившійся со своимъ штабомъ въ березовой рошѣ, рѣшился непременно въ этотъ же самый день видѣть передъ собою Шамиля. Войска сплошною цѣпью окружали аулъ, и рассказываютъ даже, что одинъ изъ смѣль-

чаковъ, солдатъ 21 стрѣлковаго баталіона, пока велись переговоры, успѣлъ забраться въ одинъ изъ крайнихъ незанятыхъ горцами домовъ аула и унесъ оттуда горскій полушубокъ. Главнокомандующій видѣлъ очень хорошо, что теперь уже Шамилю не уйдти отъ насъ, что Шамилю нѣтъ никакой возможности защищаться, а потому и рѣшился послать полковника И. Д. Лазарева, чтобы онъ уговорилъ Шамиля прекратить дальнѣйшее сопротивленіе и убѣдилъ его выйти изъ аула къ главнокомандующему. Нѣкоторые говорятъ, что будто бы полковникъ Лазаревъ рѣшился идти въ аулъ по просьбѣ самого Шамиля, съ разрѣшенія главнокомандующаго. Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе какихъ бы побужденій полковникъ Лазаревъ ни рѣшился идти въ аулъ къ Шамилю, самый фактъ этотъ показываетъ, какую громадною извѣстностію пользовался Иванъ Давыдовичъ между горцами. Его совѣта скорѣе всего могъ послушать Шамиль, на его слова скорѣе всего онъ считалъ возможнымъ положиться. Говорятъ, что именно самъ Шамиль просилъ, чтобы къ нему прислали полковника Лазарева, для того, чтобы съ нимъ посоветоваться о своей участи и отъ него лично услышать, что, сдаваясь безусловно Русскимъ, онъ найдетъ въ нихъ не суровыхъ мстителей за свое долгое сопротивленіе, а великодушныхъ побѣдителей, которые милуютъ и забываютъ прежнія обиды побѣжденному. Самъ главнокомандующій, зная, какимъ уваженіемъ имя полковника Лазарева пользовалось въ горахъ, разрѣшилъ Ивану Давыдовичу отправиться въ аулъ, съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ Шамиля выйти и положиться вполнѣ на великодушіе русскаго Государя. Порученіе было не легкое и не лишенное опасности; но полковникъ Лазаревъ принялъ его не колеблясь и отправился одинъ, безъ всякаго конвоя, въ аулъ (*). Прибывъ туда, онъ засталъ Шамиля, окруженнаго мюридами, на небольшой площадкѣ передъ мечетью, почти въ самой срединѣ аула, и хотя зналъ въ лицо Шамиля, но спросилъ, чтобы ему указали, кто изъ нихъ имамъ. Когда это было исполнено, онъ подошелъ къ Шамилю и спросилъ его, зачѣмъ онъ его требовалъ. Шамиль былъ явно сильно взволнованъ и утверждалъ, что онъ опасается безусловно сдаться Русскимъ,

(*) Всѣ подробности о взятіи Шамиля заимствованы нами изъ рассказовъ какъ самого И. Д. Лазарева, такъ и другихъ лицъ, находившихся, при взятіи Гуниба, въ главномъ штабѣ кавказской арміи.

Тогда полковникъ Лазаревъ сталъ убѣждать его, что елибъ даже прежнія опасенія его и были справедливы, то теперь собственно ему нечего бояться, потому что теперь онъ сдася не простому русскому генералу, а намѣстнику самого Императора. Видя, что всѣ доводы остаются безуспѣшными, Иванъ Давыдовичъ рѣшился наконецъ подѣйствовать на самолюбіе имама. «Шамиль» — сказалъ онъ ему — «ты въ жизни своей сдѣлалъ много великихъ дѣлъ, память о которыхъ надолго останется въ горахъ; но теперешній твой подвигъ долженъ быть выше всѣхъ прежнихъ; покажи, что и въ несчастіи ты умѣешь быть великимъ и можешь безропотно и съ твердостію покоряться предопредѣленіямъ Всевышняго, каковы бы они ни были». Шамиль видимо началъ колебаться, но все еще требовалъ разныхъ условій, — между прочимъ, чтобы полковникъ Лазаревъ остался заложникомъ при его семействѣ, пока самъ Шамиль выйдетъ къ главнокомандующему. Но всѣ эти условія положительно было отвергаемы Иваномъ Давыдовичемъ, что возбудило даже противъ него ропотъ мюридовъ, схватившихся было за оружіе. Однакожь, полковникъ Лазаревъ не потерялся въ эту критическую минуту: энергически прикрикнувъ на горцевъ, онъ громко объявилъ имъ, что если явился сюда, то не по своей волѣ, а по приказанію главнокомандующаго и по требованію самого имама, слѣдовательно особа его должна быть неприкосновенна. Наконецъ Шамиль, видя настойчивость полковника Лазарева и неуспѣшность всѣхъ своихъ предложеній, рѣшился слѣдовать за нимъ. Онъ подобралъ полы своего арха лука и заткнулъ ихъ за поясъ, засучилъ рукава, что у горца обыкновенно означаетъ высшую степень его рѣшимости, и направился къ выходу изъ аула; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился около одной сакли, прислонился къ стѣнѣ, и на глазахъ его навернулись слезы. Минута была рѣшительная; она могла совершенно измѣнить намѣренія Шамиля: надо было скорѣе вырвать изъ этого положенія, и полковникъ Лазаревъ вполне понималъ это. Онъ подошелъ къ имаму и сказалъ ему: «полно, Шамиль, вѣдь ты не женщина». Шамиль вздрогнулъ, махнулъ рукою, подошелъ къ приготовленной для него лошади, сѣлъ на нее и, въ сопровожденіи полковника Лазарева и толпы мюридовъ, направился къ выѣзду изъ аула.

Между тѣмъ, главнокомандующій, сидя на совершенно кстатипопавшемся въ березовой рощѣ огромномъ камнѣ, и войска, окру-

жавшія аулъ, съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія порученія, возложеннаго на полковника Лазарева. Время уходило; солнце было уже близко къ закату. Но вотъ наконецъ изъ аула показался, на бѣдой, небольшой лошадакъ, Шамиль. Минута была торжественная, и войска, безъ всякаго приказанія, крикнули громкое, продолжительное, оглушительное ура. Крикъ этотъ до того перепугалъ Шамиля, что онъ быстро повернулъ свою лошадуку и вскачь вернулся въ аулъ. Но возлѣ него былъ полковникъ Лазаревъ, который рѣшился уже, во что бы то ни стало, не выпустить его изъ рукъ: онъ тоже повернулъ свою лошадуку назадъ, догналъ Шамиля и сказалъ ему: «чего жъ ты испугался? развѣ не знаешь, что этимъ крикомъ наши войска привѣтствуютъ тебя? Главнокомандующій нарочно велѣлъ имъ крикнуть ура, чтобы отдать тебѣ честь.»

Эта ловкая хитрость вполнѣ помогла: Шамиль успокоился и уже смѣлѣе выѣхалъ вторично изъ аула. Между тѣмъ, около мѣста, занимаемаго главнокомандующимъ, все было приготовлено для встрѣчи Шамиля. Все это мѣсто было окружено тремя цѣпями драгуновъ. Доѣхавши до первой цѣпи, Шамиль оставилъ за нею свой конвой и слѣдовалъ далѣе въ сопровожденіи только наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ; у второй цѣпи онъ оставилъ и этихъ лицъ, слѣзъ съ лошади и уже одинъ перешелъ за третью цѣпь и, наложивъ одну руку на рукоятку шашки, другую на кинжалъ, подошелъ къ главнокомандующему. Еще прежде приближенные спрашивали князя Барятинскаго, не нужно ли обезоружить Шамиля, прежде чѣмъ онъ явится передъ княземъ, но, зная, какую цѣну горцы вообще придаютъ оружію, главнокомандующій приказалъ оставить Шамилю оружіе.

Когда Шамиль подошелъ къ сидящему на камнѣ князю Барятинскому, то былъ блѣденъ какъ полотно; губы его посинѣли и дрожали. Наступила торжественная глубокая тишина. Главнокомандующій долго пристально смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ Шамиля и наконецъ началъ говорить. Рѣчь князя, передаваемая переводчикомъ Шамилю, была дѣйствительно прекрасна, преисполнена достоинства и произвела на всѣхъ присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе. Въ ней не было ни малѣйшаго упрека, не проглядывало нисколько столь непріятно обыкновенно поражающее побѣжденнаго тщеславіе побѣдителя: все приписывалось одному Богу, которому угодно было благословить успѣхи русскаго оружія. Что же касается до судьбы Шамиля, то

инявъ объявилъ ему, что за его жизнь и за цѣлость его имущества и семейства онъ вполне ручается ему своимъ словомъ, но что затѣмъ дальнѣйшая участь его будетъ зависѣть отъ Государя, для представленія которому Шамиль долженъ ѣхать въ Петербургъ. Затѣмъ главнокомандующій всталъ и уѣхалъ съ своимъ штабомъ въ лагерь, а вслѣдъ затѣмъ туда же отправился и плѣнный Шамиль, подъ охраною сильнаго конвоя. Въ дорогѣ онъ неоднократно останавливался, чтобы дѣлать намазъ, и все еще, казалось, не вѣрилъ, что великодушный побѣдитель пощадилъ ему его жизнь. Только тогда уже, когда, прибывъ въ лагерь, его ввели въ особую, приготовленную для него, палатку и когда ему на серебряномъ подносѣ поднесли чай, онъ какъ будто бы нѣсколько оправился и пришелъ въ себя. Прибытіе, вслѣдъ затѣмъ, въ лагерь его семейства еще болѣе его успокоило. Онъ созналъ, что если бы онъ былъ обреченъ на смерть, то, безъ сомнѣнія, съ нимъ не обходились бы такъ ласково.

Черезъ сутки Шамиль былъ уже на дорогѣ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда долженъ былъ отправиться въ Петербургъ.

Да извинять насъ читатели за этотъ эпизодъ, повидимому, не относящійся собственно къ нашимъ путевымъ замѣткамъ. Говоря о Гунибѣ, мы не могли удержаться отъ желанія познакомиться нашихъ читателей съ нѣкоторыми подробностями событія, которое сдѣлало имя Гуниба славнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны. Да извинять, наконецъ, насъ кавказскіе герои, если мы, посѣтивши лишь налетомъ мѣста ихъ подвиговъ, успѣли подслушать кое-что изъ ихъ разсказовъ и беремъ на себя смѣлость передать ихъ печати. Намъ казалось, что подвиги эти и все относящееся до нихъ составляетъ общее достоиніе и славу Русскихъ, а потому отнюдь не должны быть скрываемы, а, напротивъ, свѣдѣнія объ нихъ должны быть повсюду распространены.

— Въ бытность мою на Гунибѣ, я имѣлъ возможность осмотрѣть всѣ мѣста, сколько нибудь замѣчательныя по сдѣлѣ Шамиля. Въ то время всѣ жители аула Гунибъ были уже выселены оттуда, и сабли его занимались нашими больными и двумя ротами, находившимися тамъ при складахъ. Въ томъ домѣ, гдѣ прежде помѣщалось все семейство Шамиля, живетъ теперь одинъ изъ ротныхъ командировъ. Это весьма необширное зданіе и далеко нероскошное помѣщеніе. Въ березовой рошѣ продѣланы

дорожки вокругъ камня, на которомъ сидѣлъ князь Барятинскій, принимая сдачу Шамиля, а на самомъ камнѣ грубо высѣчены годъ, мѣсяцъ и число сдачи. Тутъ же, невдалекѣ отъ рощи, стоятъ два орудія Шамиля и около нихъ кучи ядеръ и картечныхъ пуль. Орудія эти нашей отливки и, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя были имъ взяты въ 1843 году, при истребленіи имъ нашихъ аварскихъ укрѣпленій. Но лафеты къ этимъ орудіямъ были грубо и неуклюже сдѣланы самими горцами. Наконецъ вся дорога, отъ аула до самаго Койсу, была уже почти совершенно готова, такъ что въ это время уже въѣздъ на Гунибъ не представлялъ существенно никакихъ затрудненій; но по мѣстности, лежащей по обѣ стороны этой дороги, можно было еще судить, какова была доступность этого наиболѣе удободоступнаго ската Гуниба, по которому извивалась только узкая горная тропа. Однимъ словомъ, хотя я и засталъ Гунибъ уже совершенно измѣнившимся, послѣ почти годоваго пребыванія на немъ нашихъ войскъ, однакожь все еще наружность его свидѣтельствовала о томъ, какъ страшенъ и недоступенъ онъ долженъ былъ быть, когда на немъ заключился Шамиль. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пройдетъ еще лѣтъ пять, много десять, и тогда самъ Шамиль, быть можетъ, не узнаетъ своего послѣдняго убѣжища. Вокругъ домовъ управленія среднимъ Дагестаномъ непремѣнно пристроятся другіе дома — промышленниковъ, которые будутъ находить для себя выгоднымъ завести здѣсь кой-какую торговлю (*). Еще въ 1860 году жители окрестныхъ ауловъ охотно пріѣзжали въ Гунибъ и привозили немногочисленные свои произведенія. Для поддержанія въ нихъ охоты къ этому употреблялись всевозможныя средства, между которыми на первомъ планѣ стояли обходительность и внимательность генерала Лазарева, къ которому горцы, какъ я сказалъ, имѣли всегда свободный доступъ. Успѣвая съ каждымъ изъ пріѣзжавшихъ горцевъ поговорить, Иванъ Давыдовичъ постоянно обращалъ вниманіе и на то, чтобы достойно угощать всѣхъ сколько нибудь значительныхъ своихъ гостей-горцевъ. Для этого онъ выписалъ даже особаго повара—Персіянина, который мастерски изготовляетъ всевозможныя пилавы и шашлыки. На эти угощенія генералъ Лазаревъ никогда не скупится и, по

(*) Въ настоящее время на Гунибъ находятся въ постоянномъ расположеніи два баталіона Самурскаго полка.

отзывамъ всѣхъ близкихъ къ нему людей, постоянно тратитъ на этотъ предметъ не только сполна всѣ деньги, отпускаемыя для этого казною, но даже и значительную часть своего собственнаго содержанія. Надо замѣтить, что вообще горцы очень падки на всевозможныя награды, подарки, угощенія, а потому всѣмъ начальникамъ горскихъ управленій выдаются постоянно на этотъ предметъ особыя суммы; кромѣ того, наиболѣе вліятельнымъ лицамъ въ краѣ выдаются разные подарки, какъ-то: ружья и пистолеты, отдѣланные въ серебро и золото, серебряныя часы, а за особыя отличія медали и кресты. Горцы чрезвычайно гордятся всѣми этими наградами, и намъ самимъ приходилось даже видѣть горскихъ старшинъ, которые показывали намъ полученные ими часы, хотя они ни малѣйшаго понятія не имѣли объ ихъ употребленіи и устройствѣ. Поэтому-то награду часами они обыкновенно считаютъ наименѣе значительною, и наиболѣе гордятся тѣ, которымъ удастся получить почетное оружіе, *миндаль* (медаль), или же — *кирестъ съ петица* (*).

Однакожь, незамѣтно мы перешли отъ значенія Гуниба къ наградамъ, раздаваемымъ горцамъ. Наибольшее значеніе Гунибъ долженъ получить отъ устраиваемыхъ, въ настоящее время, во внутреннемъ Дагестанѣ дорогъ; собственно Гунибъ будетъ средоточіемъ всѣхъ этихъ дорогъ. Сюда проложено уже шоссе, идущее отъ Темиръ-Ханъ-Шуры на Дженгутай и Кутыши; кромѣ того, устраиваются дороги, которыя соединятъ Гунибъ съ одной стороны съ Мухахскимъ и Кодорскимъ ущельями, а съ другой съ Хунзахомъ и черезъ него съ Преображенскимъ укрѣпленіемъ и съ Гирами. Всѣ эти дороги могутъ быть окончены въ 1863 году и образуютъ собою сѣть сообщеній, чрезвычайно важную для всего края, какъ въ военномъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи. Сосѣдство Андаляльцевъ, которые всегда славилась однимъ изъ самыхъ промышленныхъ обществъ нагорнаго Дагестана, еще болѣе можетъ способствовать возвышенію Гуниба и приобрѣтенію имъ торговаго значенія. Весьма важно только, чтобы, прокладывая дороги, долженствующія сблизить между собою различныя общества внутренняго Дагестана, въ то же время, изъ самой администраціи краемъ было по воз-

(*) Горцы, какъ магометане, обыкновенно получаютъ кресты не съ изображеніемъ святыхъ, а съ изображеніемъ орла, что и подало имъ поводъ называть выдаваемые имъ кресты—*кирестъ съ петица*.

возможности удалено все, что хотя сколько нибудь может вредить этому сближенію. А этого именно, сколько намъ кажется, легче всего можно достигнуть, пока во главѣ управленія, сосредоточеннаго въ Гунибѣ, будетъ стоять лицо, хорошо знающее характеръ горцевъ, могущее дать общее направленіе ихъ дѣятельности и содѣйствовать возможно скорѣйшему сближенію ихъ съ Русскими.

И. ГЛИНКОКРИЦКІЙ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).